

For the *conclusion* the study posits that only those desires and dreams of a person which subordinate to the over-personal good and service for the benefit and betterment of the world can be the factors and origins of calling.

Key words: calling, call, inclination, good, welfare, morality, justice, transcendence.

Одержано редакцією 10.04.2019
Прийнято до публікації 22.05.2019

УДК 111.1 (09)
DOI:10.31651/2076-5894-2019-1-55-61

БОРИСОВА Татьяна Викторовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Днепропетровской национальной
металлургической академии Украины,
e-mail: tvborisova78@gmail.com

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В КУЛЬТУРЕ

Осуществлено философско-религиозное осмысление феномена «лишний человек» в истории культуры и литературы, как ее части, что имеет полифоничное звучание и прочтение. Проанализировано понятие и явление «лишнего человека» как проблема в антропоцентрической картине мира христианской культуры мышления и в секулярном культурном пространстве. Посредством сравнительного анализа производится описание философского портрета «лишнего человека» в творческом наследии И. Тургенева. Выявляются и просматриваются метафизические, экзистенциальные и феноменологические контексты в изучении философской природы «лишнего человека». Подчеркивается, что превалирование в философии Нового времени рационалистического подхода к пониманию человека, когда в качестве доминанты его существования рассматривается разум как ведущая преобразующая сила, парадоксальным образом способствовало возникновению таких феноменов в культурной жизни общества, как «маленький человек», «лишний человек», «человек в футляре» и др. В статье производится конструирование взвешенной философско-христианской критики на предмет попыток романтизировать и социально оправдать бытие образа «лишнего человека» в культуре. Осуществляется попытка онтологической и аксиологической оценки основ мировоззрения личности, которая дифференцирует себя как «лишнего человека».

Ключевые слова: «лишний человек», одиночество, смерть, любовь, смысл жизни, Бог, культура.

Постановка проблемы. Далеко не каждому мыслящему творческому человеку дано ощущать полноту своего бытия, взглядеться в метафизику этого бытия и ориентироваться в темных складках своей собственной души. Проблема «лишнего человека» и переживание им своего «лишнего бытия» в истории культуры не является чем-то новым, хотя далеко не все культурологи с этим согласны. Эта тема довольно актуальна, поскольку о ней много говорилось и еще будет идти речь, сколько существует культура самопознания и самоосмысления. Предметом нашего исследования выступает философский слепок этого вопроса в рамках христианской картины мира, философская рефлексия христианского понимания образа «лишнего человека».

Анализ последних исследований и публикаций на эту тему в зарубежной и отечественной философской и культурологической литературе раскрывает нам целый комплекс направлений и имен исследователей. Так, следует упомянуть таких исследователей, как: Е. Степанова, В. Бондаренко, З. Яловая, Е. Никольский, О. Свахина, Т. Трофимова, В. Кривонос, Г. Курляндская, Н. Николаенко, Л. Синякова. Особый интерес представляют идеи О. Постнова и В. Бойко об особенностях философского осмысления

творчества И. Тургенева.

Целью нашего анализа выступает попытка критического осмысления проблемы «лишнего человека» через призму христианской культурной традиции мышления. Философская мысль всегда исторична в своих трактовках человека, в то время как христианская картина мира, в понимании сущности человека, носит скорее метаисторический и мистический характер. Это позволяет христианской философской культуре четко определяться в отношении такого феномена как «лишний человек».

Изложение основного материала. В истории мировой и отечественной литературы один из ярких образов «лишнего человека» являет нам И. С. Тургенев в своей работе «Дневник лишнего человека». Мы не будем погружаться в поиски второстепенных причин актуальности этого образа для человека XIX века. Более важно обозначить саму проблему – возможность и право давать человеку определение через понятие «лишний человек».

Следует сразу оговорить широту и смысловую нагрузку самого понятия «лишний человек». Вкладывать в него лишь те размышления о социальном аутсайдерстве или некотором «неотмирном героизме» – означало бы уходить от задуманного вектора анализа далеко в сторону. Проблема «лишнего человека», по нашему мнению, раскрывается через обнаружение слабо развитого или вообще не развитого религиозного сознания в личности. Эта мысль очень близка к той, что была ведущей в размышлениях Н. Гоголя о «пошлости пошлого человека» – пошлого и вульгарного, с точки зрения, духовной нравственности смысла жизни человека. У «лишнего человека» не всегда жизнь протекает в пассивном конструировании смыслового пространства вокруг себя. Однако оно не созидательно для внутреннего духовного роста человеческой души. И. Тургенев показал в этом образе «лишнего человека», что самоанализ и самокритика такого человека с точки зрения христианства – умаляет его человеческое достоинство и со временем способны переродиться в способ сознательного «самоотпевания» еще при жизни. «Лишний человек» – это культивирование в себе индивидуализма «без берегов».

Для вдумчивого ума в самой проблеме философской рефлексии образа «лишнего человека» нет антиномии, где «лишний» и «не лишний» – как данность самого бытия. Такая логика возможна в атеистическом русле экзистенциальной философии А. Камю и Ж.-П. Сартра, которые «кружили» над этими вопросами. Их понимание антропологии скованно идеями страха, бунта, боли, отсутствием диалога с Богом. Корни такого подхода уходят в эпоху Просвещения, где идея волюнтаризма была сопряжена с отсутствием тесной связи человеческой мысли с личностью Бога, а гносеологический оптимизм носил горделивый и самовлюбленный характер. Уже само понимание человека через такую его доминанту как «разум», что есть активная и действующая сила, на наш взгляд, обкрадывает полноту определения человека, девальвирует его ценность и даже самооценку в своих собственных глазах и глазах других людей. Это аксиологическая и социальная девальвация образа человека. Переняв такие настроения эпохи Нового времени, Просвещения и вооружившись модными идеями Г. Гегеля, Л. Фейербаха и даже И. Канта – XIX век очередной раз разродился идеей «лишнего человека». Образ господина Чулкатурина в работе И. Тургенева яркий тому пример.

Проблема «лишнего человека» – это сложный вопрос, трогательный для души с тонкой организацией и тут для философа важно не впасть в крайности морализаторства и слащавого эстетизма. Довольно интересно эта тема была затронута и еще одним мыслителем – И. Ильиным в работе «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий». Так, совсем неожиданно для читателя в главе, посвященной теме бедности, русский философ выходит на идею о трагедии «лишнего существа». У И. Ильина проблема «лишнего» раскрывается через призму материальной и духовной бедности. По его мнению, материальная бедность дает человеку повод думать о своей трагедии как о лишней части социума, где нет уже «низа» – человек уже на дне. И. Ильин с сочувствием относится к такому умозаключению, констатирует его как факт: «Итак, на земле нет бедности вообще? – Увы! Существует двоякая бедность. Материальная – когда человек теряет работу и переживает трагедию, которая кажется ему

трагедией «лишнего» существа на свете; когда уже не имеет силы его право на работу и на жизнь; когда он сам уже не нужен; когда он уже не может смотреть «вниз», потому что для него нет больше «низа»; когда ему уже не может помочь искусство переносить лишения и довольствоваться тем, что есть. Тогда человек беден, действительно беден; тогда это настоящая бедность» [1, с. 107].

Утешением от уныния в материальной бедности может быть лишь искусство жить в бедности (умение говорить себе «довольно», мужественно смотреть «вниз», легко переносить лишения). Вот уже в своих взглядах на бедность духовную И. Ильин говорит о «лишнем человеке» следующее: «Наряду с ней существует и духовная бедность, это когда человек не может постичь, что есть верное и прекрасное «иное место», в которое он может поместить свое истинное «состояние», свое истинное «сокровище»; когда он воспринимает речи об этом «ином месте» как глупость, с издевкой отвергая их. Из-за этого сам человек делается как бы «лишним»; бессмысленными становятся его жизнь и его достижения; и пока он не поймет этого, сам он едва ли нужен. Он даже не подозревает, чего в действительности лишился и куда, собственно, направляется. В этом случае человек снова беден, по-настоящему беден, но совсем в другом смысле. Вот это и есть настоящая бедность. Но самое печальное заключается в том, что люди второго вида бедности так часто проходят холодно и гордо мимо людей первого вида бедности. Отсюда возникает безбожный, нехристианский порядок жизни. А в нем – беда и опасность сегодняшнего мира» [1, с.107-108].

Такие размышления И. Ильина довольно близки к проблематике романа Тургенева о «лишнем человеке». Невозможно анализировать эту тему в философии без сопряжения ее с вопросами смысла жизни и смысла смерти. Телеологичность бытия и небытия человеческого особо остро проявляет себя в кризисные для культуры эпохи и периоды. В истории философии, как и в истории литературы, явлены нам примеры разрешения этой проблемы, ее осмысления и даже смакования ею. В традиции христианской философии были намечены основные векторы и ценностные полюса в решении этого вопроса. С точки зрения христианства, сама мысль о том, что человек может пониматься и определяться как «лишнее существо» – кощунственна и богопротивна. В контексте социального бытия оглашать или даже допускать идею о том, что есть «лишние люди» – признак высокомерия и гордыни в тех, кто так мыслит.

Показательна сама постановка вопроса – проблема «лишнего человека» в антропоцентрической культуре XIX-XX веков словно симптом распространившейся болезни окутал своей растерянностью умонастроения пишущей общественности. Эта растерянность может появиться в условиях ослабевающей связи с Богом. Христианское мировоззрение не признает даже состоятельность самой формулировки «лишний человек». Чувство самости и одиночества, что болезненно или мечтательно осмысленно самим человеком – только отдаляет его от верного самопонимания и самопознания [Див.: 2].

Много звуков в мелодии «лишнего человека» слышится секулярному миру. Культивирование этого психосоциального феномена в искусстве, в частности в литературе, не способствовало разрешению самой проблемы жалости к себе и болезненной самости человеческого «Я». Для философии особый интерес тут представляет вопрос перерастания этой темы в проблему смысла жизни и смерти, онтологической пустоты, определения «лишнего человека» в контексте имманентных и трансцендентных основ бытия всех и каждого.

Христианская культура мышления богата святоотеческим наследием, что позволяет ей апеллировать к рефлексивному опыту людей, живших в тесном богообщении и богоискательстве. В опоре на такой философско-богословский и психологический анализ вопросов бытия человека – христианство не ставит вопрос о человеке через категорию «лишний», даже если речь идет о худших образцах поведения и образа жизни человека. Причина тому – иная высота понимания личности человека, бесценности его души и смысла жизни в системе богосотворенного мира. Некоторые морально-этические и эстетические

идеалы современной культуры способны профанировать в человеке то, что считается святым, и одновременно – упрощать все то, что является в нем духовным. Сочувствующего участия и сопереживания в развитии темы «лишнего человека» в святоотеческом наследии мы не найдем. Смакование вопросов «лишнего человека» в секуляризованной культуре происходит обычно в контексте слезливого сентиментализма и романтического самоедства. Образ лишнего человека в повести И. Тургенева тому яркий пример. Отрады, утешения и понимания себя в этом ключе подобные размышления для человека не несут. Это понимал и сам И. Тургенев: «Чувствительные излияния – словно солодковый корень: сперва пососешь – как будто недурно, а потом очень скверно станет во рту» [3, с. 143].

Описанный эстетически выточенный образ «лишнего человека» у И. Тургенева заворожил читателей на много десятилетий вперед, вошел в кладезь мировой классической литературы как феномен внутренней и внешней социальной жизни личности. Литературный талант писателя отобразил потребность души перед лицом надвигающейся смерти понять и определить себя в контексте земного бытия и бытия вечности: «Жизнь моя ничем не отличалась от жизни множества других людей. Родительский дом, университет, служение в низменных чинах, отставка, маленький кружок знакомых, чистенькая бедность, скромные удовольствия, смиренные занятия, умеренные желания – скажите на милость, кому не известно все это? И потому я не стану рассказывать свою жизнь, тем более что пишу для собственного удовольствия; а коли мое прошедшее даже мне самому не представляет ничего ни слишком веселого, ни даже слишком печального, стало быть в нем точно нет ничего достойного внимания. Лучше постараюсь изложить самому себе свой характер. Что я за человек?... Мне могут заметить, что и этого никто не спрашивает, – согласен. Но ведь я умираю, ей-богу умираю, а перед смертью, право, кажется, простительно желание узнать, что, дескать, я был за птица? Обдумаю хорошенько этот важный вопрос и не имея, впрочем, никакой нужды слишком горько выразаться на свой собственный счет, как это делают люди, сильно уверенные в своих достоинствах, я должен сознаться в одном: я был совершенно лишним человеком на сем свете или, пожалуй, совершенно лишней птицей» [3, с. 143-144].

Философ И. Ильин, используя образ «лишнего человека», наполняет его несколько иным, чем И. Тургенев содержанием. Вместе с тем стоит обязательно вспомнить и слова Григория Нисского, как тонкого знатока природы человека. Так, в работе «Об устройении человека» он отвечает на вопросы о несовершенстве телесного устройства человека в сравнении с миром животных. В ответах святого раскрывается его понимание промысла Божия о человеке, не столько в контексте взаимосвязи человека и мира природы, сколько его социальности, необходимости быть нужным другому человеку, взаимной потребности людей друг в друге. Он словно отвечает на главные вопросы христианской антропологии. Важно также понимать, что религия, вера – «это связь временного и созданного с вечным и несотворенным. И не только связь, но и путь, идя по которому можно взойти к этому вечному и несотворенному, к Источнику жизни, к Богу» [4, с. 236].

Сохраняя веру в избыточность Божьей милости к самому любимому творению бога – человеку, Григорий Нисский пишет так: «Но что значит эта прямизна стана? Почему телу не прирождены силы, служащие к охранению жизни? Напротив того, человек вводится в мир лишенным естественных прикрытий, каким-то безоружным и бедным, имеющим нужду во всем потребном для жизни, достойным, по-видимому, более сожаления, нежели ублажения. Не имеет ни рогов для защиты, ни острых когтей, ни копыт, ни зубов, ни какого-либо жала, от природы снабженного смертоносным ядом, чем обладают многие животные для защиты от оскорбляющих, и не покрыто у него тело волосистой оболочкой, хотя поставленному начальствовать над другими надлежало от природы быть огражденным собственными своими оружиями, чтобы для собственной своей безопасности не иметь нужды в помощи других. А теперь лев, вепрь, тигр, барс и другие подобные животные от природы имеют достаточную силу для своего спасения. И волу рога, и зайцу скорость, и серне легкий скачок и зоркость глаз, иному какому-либо животному величина, другим хобот, птицам крылья, пчеле жало и всем непременно дается, как обычно, природою что-либо для их спасения.

Один только человек всех быстроногих медлительнее, великорослых ниже, обезопасенных прирожденными оружиями беззащитнее. Как же, спросит иной, такому дано в удел начальство над всеми? Но нетрудным считаю доказать, что видимая недостаточность нашего естества и служит предлогом к обладанию над подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростью перегонял бы он коня, не стирал ничем жестким ног, защищенных какими-либо орудиями или копытами, имел у себя рога, жало, когти, то, во-первых, при таких прирожденных телу его отличиях был бы он каким-то зверским и неприступным, а потом пренебрегал бы начальством над другими, нимало не нуждаясь в содействии подчиненных. Теперь же для того именно жизненные потребности разделены на каждого из подчиненных нам, чтобы начальство над ними сделать для нас необходимым» [5, с. 40-41].

Возникает вопрос: существующее нуждается в правах на существование? Когда речь идет о человеке, то – нет. А вот существующие в человеке слабости, страхи, грехи, зло, можно обнаруживать и опознавать как «лишнее». Для христианской культуры мышления этот дерзкий философский посыл в форме «лишний человек» не содержит правды и смысла. Причина подобной «вольности» кроется в характере самого либерального сознания. Так, известный литературный критик М. Дунаев подчеркивал негативное влияние такого либерализма на все сферы бытия человека [Див.: 6]. Особую опасность они представляют в сфере культурного творчества. Персонаж И. Тургенева в размышлениях о себе как о «лишнем» замечает следующее: «Лишний, лишний... Отличное это придумал я слово. Чем глубже я вникаю в самого себя, чем внимательнее рассматриваю всю свою прошедшую жизнь, тем более убеждаюсь в строгой истине этого выраженья. Лишний – именно. К другим людям это слово не применяется... Люди бывают злые, добрые, умные, глупые, приятные и неприятные; но лишние... нет. То есть поймите меня: и без этих людей могла бы вселенная обойтись... конечно; но бесполезность – не главное их качество, не отличительный их признак, и вам, когда вы говорите о них, слово «лишний» не первое приходит на язык. А... про меня ничего другого и сказать нельзя: лишний – да и только. Сверхштатный человек – вот и все. На мое появление природа, очевидно, не рассчитывала и вследствие этого обошлась со мной, как с неожиданным и незванным гостем» [3, с. 144].

И Ф. Достоевский и Н. Гоголь заглядывали в глубины человеческого сердца, но с путеводителем – религиозным сознанием, что жаждет обрести себя в вере. Отметим, что реально внутренним богатством личности можно считать способность любить и миловать. Мрачная изнанка социально-психологических стихий земного бытия человека обнажает всю сложность следования закону любви к ближнему. Христианская антропологическая картина мира пронизана этим призывом к любви и состраданию. Есть ли они у образа «лишнего» человека И. Тургенева? Однозначно и утвердительно ответить нельзя. Потому как есть большие сомнения на этот счет. «Лишний человек» жадно и отчаянно ищет взаимной любви среди людей, но при этом совершенно глух к проявлениям Божьей любви и милости. Страдания и лишения «лишним человеком» в большей части понимаются как признак богооставленности и утраты ценности собственного бытия. Собственный жизненный путь рисуется такой личности как случайное онтологическое событие, лишенное объективной и субъективной смысловой нагрузки. У Иоанна Шаховского, в одной из его работ есть очень меткая и глубокая мысль: «страхи злых – служат злу» [Див.: 7]. И это очень близко к философско-религиозному пониманию многослойной проблемы «лишнего человека», как феномена культуры. Не обнаружив к себе любви среди людей и не распознав ее в Боге «лишний человек» отчаивается и впадает в меланхолию духовной нищеты, упиваясь ней и мучаясь ею самой: «Точно, помнится, во мне даже в течение этой недели изредка шевелился червь... но наш брат, одинокий человек, опять-таки скажу, так же не способен понять то, что в нем происходит, как и то, что совершается перед его глазами. Да и притом: разве любовь – естественное чувство? Разве человеку свойственно любить? Любовь – болезнь; а для болезни закон не писан» [3, с. 153].

Выводы. Подводя итоги, отметим:

1. В фундаментальном переустройстве философского мировоззрения в эпоху Просвещения «отменяется» классический целостный образ понимания человека. Отменялась память о его несовершенстве (первородном грехе). Такой взгляд на человека вошел в историю философии как декартовский рационализм с доминантой разума в человеке, как ведущей преобразующей силой. И уже в XIX веке стало очевидно, что такой образ человека «трещит по швам», порождая и культивируя новые феномены в культурной жизни общества – «маленький человек», «лишний человек», «человек в футляре» и др.

2. Невозможно анализировать образ «лишнего человека» без его критики. Незрелый и поверхностный рационализм предпринял попытку размывать христианский образ человека, сделался болезненным синдромом всей культуры XIX-XX столетий. Проблема «лишнего человека» сводима к проблеме одиночества, а именно одиночества без Бога. Глубина трагичности этого одиночества в том, что в сфере веры оно предельно в своей онтологической полноте. Гносеологический пафос всей философии «лишнего человека» (для самого «лишнего человека») заключается в том, чтобы найти оправдание себе и своему отчаянию.

3. Законы секулярного мира склонны сводить понимание человека к некоей феноменологической форме. В противовес такому умалению личности (до образа «лишнего человека») христианская картина мира постулирует иное понимание антропоцентризма – христоцентризм, где в лице ближнего своего каждый человек должен уметь разглядеть лицо Самого Христа. Распознать другого или самого себя как «лишнего человека» – кощунственно, поскольку говорит о неспособности видеть в себе и в другом человеке Промысел Божий.

В перспективе отдельным предметом рассмотрения этой темы может выступить спектр негативных последствий романтизации и философского оправдания социального аутсайдерства «лишнего человека», как фундаментального кризиса в культуре XX-XXI веков.

Список использованной литературы:

1. Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И. Ильин // Ильин И. Собрание сочинений в 10 т. – Т.3. – М.: Русская книга, 1994. – С. 89-226.
2. Ильин И. Основы христианской культуры / И. Ильин. – М.: Эксмо, 2011. – 702 с.
3. Тургенев И. С. Дневник лишнего человека / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Собрание сочинений в 10 т. – Т.5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 139-179.
4. Зубов А. Б. Эсхатологическая уникальность христианства / А. Б. Зубов // Континент. – 1994. – № 78. – С. 233-245.
5. Нисский Григорий. Об устройении человека / Григорий Нисский // О человеке: Сб. трактатов. – СПб.: Азбука, 2011. – С. 23-142.
6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. Монография / М. М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 539 с.
7. Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха / Иоанн (Шаховской). – СПб.: Издание СПб. благотворительного общества во имя святого апостола Павла, 1997 – 144 с.
8. Честертон Г. Вечный человек / Г. Честертон. – СПб.: Мидгард, 2004. – 704 с.
9. Аверинцев С. С. Софія-Логос. Словник. 2-е видання / С. С. Аверинцев. – К.: Дух і літера, 2004. – 258 с.
10. Хондзинский П. По направлению к Канту: фрагмент из истории персонализма в Новое время / П. Хондзинский // Вопросы философии. – 2017. – № 2. – С. 178-185.

References:

1. Ilyin, I. A. (1994). I look intently into life. Book of meditations. *Collected Works*, 3, 89-226. Moscow: Russian Book (in Russ.)
2. Ilyin I. A. (2011). *Bases of Christian culture*. Moscow: Eksmo (in Russ.)
3. Turgenev, I. S. (1961). Diary of superfluous man. *Collected Works*, 5, 139-179 (in Russ.)
4. Zubov, A. B. (1994). Eschatology unicity of Christianity. *Kontinent (Continent)*, 78, 233-245 (in Russ.)
5. Gregory, Nyssen (2011). About arrangement of man. About a man, 23-142. SPb.: Azbuka (in Russ.)
6. Dunayev, M. M. (2003). Faith in the crucible of doubt: Orthodoxy and Russian literature in XVII-XX centuries. Monograph. Moscow: Publishing Council of Russian Orthodox Church (in Russ.)
7. Ionn, Shakhovskoy (1997). Apocalypse of a shallow sin. SPb.: Publication of a Charitable Society in the name of the Holy Apostle Paul (in Russ.)
8. Chesterton, G. (2004). *The Everlasting Man*. SPb.: Midgart (in Russ.)
9. Averincev, S. S. (2004). *Sofia-Logos. Dictionary*. Kyiv: Duch i Litera (in Ukr.)

10. Khondzinskii, P. (2017). Towards Kant: Fragment of the Personalism History in the Modern Time. *Voprosy Filosofii (Questions of Philosophy)*, 2, 178-185 (in Russ.)

BORISOVA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Political Studies,
National Metallurgical Academy of Ukraine,
e-mail: tvborisova78@gmail.com

A PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF THE PROBLEM OF "SUPERFLUOUS MAN" IN A CULTURE

Summary. Introduction. *The question of metaphysical nature of "superfluous man" rises in the article. The philosophical measuring of basic parameters of this phenomenon comes true in the context of Christian picture of the world.*

Purpose. *The aim of the author is critically to analyze the substantive provisions of world view and philosophical picture of the world of "superfluous man"; to specify on an error in romanticisation of this character, both in philosophy and in literature; to find out internal descriptions of this character and confront them with bases of the Christian understanding of the world; to specify on reasons of loneliness of "a superfluous man" in society.*

Methods. *In the process of research a number of philosophical methods were used. The method of comparative analysis allowed to confront understanding of "superfluous man" in society and Christian culture. A comparative and system method became into the basis of main elements of the problem of social and religious loneliness of "superfluous man".*

Results. *Problem of "superfluous man" is connected with the problem of loneliness, namely loneliness without God. A depth of tragedy of this loneliness is in the field of faith, its maximum is in the ontological fullness. The gnosiological fervor of all philosophy of "superfluous man" (for the most "superfluous man") consists in that to find acquittal to itself and despair.*

Originality. *In a scientific novelty the author of work specifies deep reasons of forming of the phenomenon of superfluous man in philosophy and in the art of literary work. An answer is given for a question about reasons of appearance of this character in the culture of XIX century.*

Conclusion. *The laws of the secular world are inclined to take understanding of man into some phenomenological form. In a counterbalance the Christian picture of the world postulates such belittling of personality (the character of "superfluous man") which is based not on anthropocentrism but on Christocentrism.*

Key words: "superfluous man", loneliness, death, love, sense of life, God, culture.

Анотація. Борисова Т. В. Філософське осмислення проблеми «зайвої людини» в культурі. Здійснено філософсько-релігійне осмислення феномену «зайва людина» в історії культури та літератури, як її частини, що має поліфонічне звучання та осмислення. Проаналізовано феномен та поняття «зайва людина» як проблему в антропоцентричній картині світу християнської культури мислення та в секулярному культурному просторі. За допомогою порівняльного аналізу здійснюється опис філософського портрета «зайвої людини» у творчому спадку І. Тургенєва. Виявляються та проглядаються метафізичні, екзистенційні та феноменологічні контексти у вивченні філософської природи «зайвої людини». Підкреслюється, що превалювання в філософії Нового часу раціоналістичного підходу до розуміння людини, коли в якості домінанти її існування розглядається розум як провідна перетворююча сила, парадоксальним чином сприяло виникненню таких феноменів в культурному житті суспільства, як «маленька людина», «зайва людина», «людина в футлярі» тощо. Здійснюється конструювання поміркованої філософсько-християнської критики стосовно спроб романтизувати та соціально виправдати буття образу «зайвої людини» в культурі. Здійснюється спроба онтологічної та аксіологічної оцінки основ світогляду особистості, що диференціює себе як «зайва людина».

Ключові слова: «зайва людина», самотність, смерть, любов, сенс життя, Бог, культура.

Одержано редакцією 27.03.2019
Прийнято до публікації 22.05.2019